

УДК 347.121.2

DOI: 10.34670/AR.2024.12.41.062

Особенности реализации некоторых абсолютных субъективных гражданских прав в условиях развития, внедрения и применения новых технологий

Дёмина Анастасия Андреевна

Аспирант,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015, Российская Федерация, Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: yademina.nastya@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена особенностям реализации абсолютных субъективных прав в условиях развития новых технологий. Данная тема является актуальной, поскольку в условиях активного внедрения новых технологий в различные сферы жизни возникает угроза обеспечению защиты именно абсолютных субъективных гражданских прав. Предметом данного исследования являются особенности реализации отдельных видов абсолютных субъективных гражданских прав в таких условиях, а также особенности характеристики таких прав. При написании работы были использованы эмпирические методы, а также методы аналогии и дедукции. Автором был изучен механизм осуществления данного вида прав, проведена классификация на имущественные и неимущественные права. Рассматривается содержание субъективного права, проведен анализ определения критериев абсолютности и относительности, гражданских прав, реализуемых в условиях развития новых технологий. Сделаны следующие выводы: для того чтобы при активном технологическом развитии в общественной сфере не возникали коллизии, необходимо обеспечить одновременное (параллельное) развитие правовой сферы вместе с технологиями; расширение границ правового регулирования новых технологий и связанных с их применением прав человека и гражданина позволит учитывать особенности возникающих новых видов правоотношений и вовремя проводить реформирование уже существующих норм права, касающихся данного вопроса.

Для цитирования в научных исследованиях

Дёмина А.А. Особенности реализации некоторых абсолютных субъективных гражданских прав в условиях развития, внедрения и применения новых технологий // Вопросы российского и международного права. 2024. Том 14. № 1А. С. 473-484. DOI: 10.34670/AR.2024.12.41.062

Ключевые слова

Абсолютные субъективные гражданские права, новые технологии, имущественные права, неимущественные права, механизм осуществления субъективных гражданских прав, искусственный интеллект, блокчейн.

Введение

Правительством Российской Федерации сформирована национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» в рамках реализации Указа Президента Российской Федерации № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 07.05.2018. Данная программа направлена на решение целого ряда задач. Среди них одной из основных является обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономической и социальной сферах общественной жизни. В связи с активным продвижением и введением в действие положений данной программы появляются новые проблемы и вопросы в сфере реализации абсолютных субъективных гражданских прав. При применении новых технологий и их активном внедрении в социально-экономическую сферу возникает угроза обеспечению защиты нематериальных благ граждан, предусмотренных ст. 150 Гражданского кодекса РФ, таких как личная неприкосновенность, авторство, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, свобода передвижения и другие. Возникающие угрозы не будут оказывать негативное влияние на правоотношения, возникающие или происходящие с применением новых технологий только в том случае, если участникам этих правоотношений, таким как граждане, государственные органы, работники и работодатели (предприниматели), будет гарантирован надежный уровень кибербезопасности, высокая степень конфиденциальности и защиты персональных данных. Именно поэтому считаем данный вопрос актуальным и требующим более детального рассмотрения.

Основное содержание

Первым важным моментом, на наш взгляд, является определение составных элементов субъективного права, поскольку исходя из состава и структуры познаваемого явления можно определить его главное содержание. Т.А. Солодовниченко считает более правильным двухэлементный подход к составу субъективного юридического права, в соответствии с которым к элементам такого права относят правомочие на собственные действия и правомочие обязанного лица. То есть субъект, обремененный обязанностью, для избегания неблагоприятных юридических последствий должен в одном случае совершить определенные действия, а во втором – воздержаться от их совершения [Солодовниченко, 1974, 45]. Л.С. Явич обращал внимание на то, что от простой возможности юридическая возможность, которая складывается из трех правомочий, отличается тем, что обеспечивается юридическими обязанностями и охраной со стороны государства. Он отмечал, что непосредственное содержание субъективного права выражается во взаимосвязи конкретных возможностей: возможность определенного поведения управомоченного лица; возможность предъявить требование по соблюдению установленного поведения от обязанных лиц для удовлетворения его законных интересов; возможность защищаться в случае нарушения прав путем обращения в компетентные органы (в том числе и в суд), а также принудительно реализовать свои права в правоотношении с помощью компетентных государственных органов [Явич, 1976, 25].

Таким образом, субъективное право по содержанию представляет собой совокупность возможностей, выражающихся в допустимости совершения определенных действий управомоченным субъектом, однако таким содержанием субъективное право наполняется только в условиях объективной действительности и только в качестве составной части

гражданского правоотношения. Исходя из этого, считаем, что необходимо проводить системно-структурный анализ единичного (реального) субъективного права.

Вторым моментом, на который стоит обратить внимание, считаем определение абсолютности субъективных гражданских прав, возникающих или реализуемых посредством цифровых технологий или с их помощью. Согласно классическому подходу теории гражданского права к данному вопросу, характеристика абсолютности и относительности применяется как для правоотношений в целом, так и для характеристики его элемента – субъективного права. На то, что такому подходу часто уделяется внимание в литературе, обращала внимание в своих работах Р.О. Халфина [Халфина, 1974, 3]. Однако встречается и другой подход к данному вопросу, в котором, прежде всего, акцент делается на корреспондирующей праву обязанности и указывается, что характеристика по связи «право – обязанность» с точки зрения общей теории права является более корректной для правоотношений, чем для права. В отношении данного подхода мы считаем более правильной позицию А.О. Рыбалова, исходя из которой понятия правоотношения и субъективного права во многом совпадают одно с другим, а поэтому они оба обозначают грани одного явления. При условии «наложения» двух понятий А.О. Рыбалов считает необходимым отказаться от использования одного из них и отдать предпочтение «субъективному праву» как более привычному и всем понятному [Рыбалов, 2007, 206]. В то же время отметим, что если в таком случае понимать под правоотношением не субъективное право, «взятое с объективной стороны», то ценность такого понятия для практической юриспруденции ничтожна. При таком подходе также важно учитывать то, что под субъективным правом (правоотношением) здесь предлагается рассматривать взаимообусловленную связь права и обязанности, принадлежащей одному и тому же объекту. Различие способов, которыми могут осуществляться права и обязанности в абсолютных и относительных правоотношениях, соответствует различию этих отношений. Реализация субъективного права в абсолютных правоотношениях, как правило, носит статический характер и выражается в собственных действиях управомоченного субъекта, таких как пользование имуществом или фактическое владение им. В относительных правоотношениях для реализации субъективного права, напротив, требование предъявляется к обязанной стороне.

Именно исходя из особенностей указанной взаимообусловленной связи права и обязанности одного и того же объекта происходит деление субъективных прав на абсолютные и относительные. Обратим внимание на то, что этот критерий разделения – лишь один из многих. Позиция современных отечественных исследователей сводится к комплексному пониманию абсолютности права, согласно которому несколько элементов того или иного субъективного права свидетельствуют о его абсолютности. К таким элементам относят наличие неопределенного круга обязанных лиц по отношению к управомоченному субъекту; осуществление такого права посредством собственных активных действий лица; характер правового регулирования; наличие необходимых условий для осуществления данного права в виде возложения пассивной обязанности не препятствовать управомоченному в осуществлении его права на всех третьих лиц и абсолютная защита от нарушений данного права любыми третьими лицами. Так, ссылаясь на то, что регулирование абсолютных прав осуществляется преимущественно императивным методом, обеспечивающим единообразие правовых последствий осуществления права, С.А. Сеницын выделил следующие признаки, характеризующие абсолютность субъективных гражданских прав:

– посредством определения объема и содержания правомочий субъекта, мер его

- юридического господства (власти) над объектом права устанавливается непосредственная правовая связь субъекта права с объектом права;
- абсолютные права формируют статус субъекта в статике гражданских правоотношений (вещные права, личные неимущественные права), поскольку абсолютность права предполагает статичное состояние, а не объем (пределы или широту) юридических возможностей управомоченного лица;
 - действиями и волей управомоченного лица и вне зависимости от поведения других лиц предопределяется осуществление абсолютных прав;
 - при реализации защиты абсолютных гражданских прав целью является сохранение и/или восстановление указанной правовой связи субъекта права и его объекта;
 - интерес управомоченного лица в абсолютных правах может характеризоваться пассивной направленностью, поскольку он направлен на сохранение уже существующего или восстановление существовавшего до правонарушения правового положения [Синицын, 2017, 18].

На наш взгляд, С.А. Синицын также справедливо отмечал, что «сфера действия абсолютных и относительных прав как разновидность классификации субъективных прав не исчерпывается предметом гражданско-правового регулирования, а определяется сферой действия категории субъективного права, его содержанием, внутренними свойствами и структурой» [Синицын, 2016, 57]. Антон Иванов также обращает внимание на разграничение абсолютных и относительных прав на цифровой контент, при этом акцентируя внимание на том, что критерием в этом случае является возможность распоряжения им без помощи контрагента по договору, который это право предоставил. Он отмечает, что «если же контрагент продолжает технологически или юридически «привязывать» вас к себе, то ваше право на контент продолжает быть относительным» [Иванов, www]. В данном случае он также акцентирует внимание на том, что большое значение для определения абсолютности и относительности права собственности на приобретенный цифровой контент (фильм, музыкальное произведение и прочее) зависит от того, на каком носителе хранится данное произведение. Поскольку, храня его на ресурсах «облачного хранения», можно лишиться возможности использования контента, принадлежащего тому или иному лицу, по причинам изменения программного обеспечения собственником облачного хранилища (например, если лицо не обновило старую версию программы до более новой). Поэтому абсолютное право на цифровой контент у пользователя отсутствует.

Н.А. Дмитрик поддерживает позицию Н.И. Мирошниковой, которая заключается в утверждении существования механизма осуществления субъективных гражданских прав. Он указывает на то, что изучение данного механизма имеет методологическое значение, поскольку позволяет выделить те его ключевые элементы, которые в их комплексном и систематизированном виде приводят в движение норму и способствуют при этом надлежащей реализации субъективного права [Дмитрик, 2007, 56]. В свою очередь, Н.И. Мирошниковой были выделены элементы и сформирован состав механизма осуществления субъективных гражданских прав, состоящий из таких элементов: «наличие совершенных правовых норм (качественное гражданское законодательство); меры организационного обеспечения субъективных гражданских прав, включая надлежаще организованную деятельность органов и должностных лиц, применяющих гражданско-правовые нормы; правовую информированность субъектов гражданского права; принципы осуществления субъективных гражданских прав; правомерное поведение субъектов гражданского права» [Мирошникова, 1989, 26].

Важным моментом при рассмотрении механизма реализации абсолютных прав является, на наш взгляд, является то, что оба вида правоотношений, как абсолютные, так и относительные, при их реализации ограничены рамками фактических действий, а также элементов юридических фактов, то есть юридических обстоятельств. Пример такого ограничения при реализации такого механизма привела О.М. Родионова, указывая следующее: «Юридическое значение отчуждения вещи, совершаемого собственником в рамках правомочия распоряжения, состоит лишь в определении его в качестве надлежащей стороны в договорах. При осуществлении же относительных прав указанные действия могут совершаться только лицами, которые являются сторонами сделок, в том числе договоров, породивших обязательство, либо членами корпоративных организаций (волеизъявления которых приобретают юридическое значение в рамках решений собраний, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом, в частности для действий корпораций с одним участником), поскольку воля на их осуществление уже была ранее выражена в основаниях возникновения соответствующих относительных правоотношений или законе» [Родионова, 2017, 243].

Изучение механизма осуществления субъективных гражданских прав дает возможность провести исследование на всех стадиях реализации субъективного права с учетом всех условий и средств, применяемых при этом. Отметим, что при реализации такого подхода в отношении объективного права он не дает возможности оценить действие различных норм в комплексе, то есть процесс непосредственного применения норм при реализации участниками правоотношений принадлежащих им прав и обязанностей. Исходя из этого, считаем, что анализ механизма реализации конкретных прав посредством применения в отношении них каких-либо специальных норм права может быть достаточно полезен при определении необходимости или возможности специального регулирования отдельных сфер общественных отношений. Такой подход получил признание в кругах специалистов по правовому регулированию отношений, связанных с использованием сети Интернет, поскольку, как они отмечают, никаких дополнительных прав (обязанностей) сам по себе факт использования сети Интернет не создает, как и не сужает их круг по сравнению с традиционными правоотношениями. В нашей ситуации такой подход также может получить развитие, поскольку при реализации субъективных прав с помощью искусственного интеллекта или робототехники могут возникнуть новые права и обязанности у разработчиков самого искусственного интеллекта или робота, а также их владельца или пользователя. В зависимости от функций, которые будут возлагаться и выполняться данными техническими средствами, появятся новые вопросы, требующие урегулирования.

Третьим важным аспектом при обсуждении реализации абсолютных субъективных гражданских прав с применением новых технологий является то, что, по нашему мнению, необходимо придерживаться классического разделения их на имущественные и неимущественные права, исходя из характера правоотношений, в которых они реализуются. Но при этом следует учитывать тот факт, что в связи с появлением и применением новых технологий появляются новые объекты, которые обладают экономической ценностью, но сущность которых с правовой точки зрения не определена, что порождает разнообразные конфликты в юридическом (и не только) сообществе. Для решения этих конфликтов необходимо внесение изменений и поправок в законодательство.

В российском праве, как правило, под имущественными абсолютными правами понимается право собственности и другие вещные права, а также интеллектуальные права. Поэтому в отношении этих новых объектов не только юристы, но и законодатели пытаются

распространить какой-либо из этих режимов имущественных абсолютных прав. Распространение режима права собственности или интеллектуальной собственности нам кажется возможным в отношении создателя программного обеспечения (программы) или изобретения самого робота и его прав на это изобретение, однако же в отношении информации, которую данная программа или робот будет создавать, собирать, обрабатывать, хранить и передавать. Возникает вопрос: в каком режиме будет находиться эта информация? Так как она может носить характер товара, услуги или представлять собой электронные деньги (криптовалюту). А некоторые новые технические разработки (такие как искусственный интеллект) могут быть наделены разработчиками способностью самостоятельно воспроизводить какой-то определенный вид информации, создавать новые вещи, произведения искусства и литературы.

С развитием новых технологий и появлением новых видов объектов гражданских правоотношений все больше так называемых «операций – сделок» происходит с помощью сети Интернет. В таких сделках субъекты правоотношений при реализации, например, договора купли-продажи, подразумевая передачу товара одним (посредством почтовых отправлений) в обмен на безналичные денежные средства со стороны второго контрагента, на самом деле обмениваются информацией. При этом, несмотря на то, что сделка происходит виртуально, а не реально, и продавец, и покупатель в результате получают абсолютно материализованные предметы (товар и деньги соответственно). Поэтому одна из главных особенностей реализации субъективных гражданских прав заключается в характере объекта, относительно которого они возникают. Так, например, Д.В. Кожемякин, рассматривая в своей работе доменное имя как предмет гражданского правоотношения, указывает на его уникальность, ссылаясь на то, что оно по своей природе является техническим решением, но с течением времени приобрело новые функции, с помощью которых реализуется реклама и продвижение интернет-ресурсов [Кожемякин, 2020, с.32].

По аналогии с этим, то же самое можно отметить и о блокчейне, технологии, которая ранее рассматривалась только как система распределения реестров для продажи криптовалют, а сегодня рассматривается уже как технология, которая позволит организовать эффективную работу государственных органов, банковской системы, обеспечить кибербезопасность и многое другое. То есть изначально блокчейн имел технический характер и применялся для реализации одной функции, но с его изучением и развитием этой технологии он приобретает новое значение. Тут же следует отметить, что Д.В. Кожемякин обращает внимание на то, что вопрос о правовой природе доменного имени остается неурегулированным, а также на то, что в российской судебной практике нет единого мнения по отнесению доменного имени к имуществу или имущественному праву [Якушев, 1997, 46]. Что касается технологии блокчейн, то судебной практике известны случаи, когда криптовалюту квалифицировали как имущество [Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 по делу № А40-124668/2017, www]. Подобные примеры указывают на то, что с использованием новых технологий в гражданский оборот приходит понятие нематериальной вещи имущественного характера, при этом под нематериальной вещью, как правило, понимается массив информации. Некоторые исследователи предлагают в отношении такой нематериальной вещи имущественного характера применять определение «бестелесного имущества» [Синицын, 2017, 19]. Однако в данном вопросе среди исследователей также отсутствует единая позиция. Одни относят к такому имуществу такие объекты, которые к таковым отнесены законом, поскольку не являются материальными вещами. Другие же считают таковыми имущественные права, которые называют «идеальным» нематериализованным объектом, имеющим денежную оценку

и стоимость.

Так какая же информация будет являться имуществом? Подробный ответ на данный вопрос, на наш взгляд, дала М.А. Рожкова. Она указала на то, что информация становится имуществом (и объектом гражданских прав) только при условии, что она имеет экономическую ценность. М.А. Рожкова указала: «Как только информация приобретает экономическую ценность, она становится имуществом, а значит – и объектом гражданских прав, поскольку ст. 128 ГК РФ относит к числу таких объектов всякое имущество, перечень которого в статье является открытым» [Рожкова, 2018]. М.Л. Башкатов, указывает на то, что криптовалюта сама по себе представляет имущественную ценность, поскольку за нее готовы дать другую имущественную ценность, но сейчас ни в одном правовом порядке мира, по словам эксперта, криптовалюта напрямую не признается законным средством платежа. На такую валюту, отметил Максим Башкатов, у ее обладателя нет абсолютных прав, но она может быть предметом относительных правоотношений, в том числе возмездного распоряжения. Основной проблемой, ограничивающей возможность признания абсолютного права за обладателем какой-либо криптовалюты, по мнению М.Л. Башкатова, является отсутствие обеспечения надлежащей защиты такого права от посягательств третьих лиц [Объекты на цифровых носителях, цифровые права и деньги: тенденции правовой теории и практики, www]. Гражданское право, предметом которого являются имущественные отношения, не может пройти мимо таких новых объектов. Для надлежащего реагирования на такие вызовы требуется анализ и проработка существующих юридических конструкций, подходов к определению правовой природы, учет правовых традиций.

Конечно же, новые технологии внедряются в нашу жизнь, из-за чего возникают особенности в реализации не только абсолютных субъективных гражданских прав материального характера, но и, можно сказать, что в первую очередь, такие особенности затрагивают права нематериального характера. Согласно ст. 150 ГК РФ, к таким нематериальным благам относятся «жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная и семейная тайна, свобода передвижения, свобода выбора места пребывания и жительства, имя гражданина, авторство и другие» [Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ], перечень в данной норме не является закрытым.

Новые технологии сопровождают нас в повседневной жизни на каждом шагу. Сегодня браузеры отслеживают и анализируют запросы поисковой строки человека с целью получения прибыли от рекламы товаров и услуг, которые ранее искал человек, каждый современный гаджет или смартфон снабжен системой GPS, по которой можно отследить передвижение человека, развитие технологии распознавания лиц, умные светофоры и многое другое.

В этой связи появляется множество новых ситуаций, полностью или частично не урегулированных правом. Сегодня в условиях пандемии COVID-19 активно обсуждается внедрение в Москве видеофиксации передвижения и контроля над соблюдением применения средств индивидуальной защиты в общественных местах, которая предполагает систему распознавания лиц, сбор и учет данных о геолокации со смартфонов. В период пандемии это обусловлено дополнительными мерами безопасности, но даже учитывая это, такой сбор данных, на наш взгляд, не является законным, поскольку на данный момент, согласно Федеральному закону «О связи» № 126-ФЗ от 07.07.2003, компании сотовых операторов могут предоставить геоданные с открытыми данными пользователей только по решению суда. Но отметим, что такая система существовала до пандемии вируса в Китае, об этом упоминается в докладе Центра

новой Американской безопасности, с пометкой о том, что американские компании не хотят сотрудничать с китайскими компаниями, чтобы не осуществлять поддержку в незаконном сборе данных о гражданах, фирмах и государственных структурах других государств [The American AI Century: A Blueprint for Action 1152 15th street NW].

Осенью 2019 года сотрудники компании Screenlife Technologies создали проект Vera Voice на основе искусственного интеллекта. Данную нейросеть научили воспроизводить голоса известных политиков и знаменитостей. На наш взгляд, голос является средством индивидуализации человека, его коммуникации с другими людьми. На данный момент звуковое отображение голоса человека не защищается никакими правовыми нормами. Гражданский кодекс РФ содержит только понятие фонограммы как любых исключительно звуковых записей исполнений или иных звуков либо их отображений, за исключением звуковой записи, включенной в аудиовизуальное произведение (ст. 1304). Исходя из этого, можем ли мы говорить о том, что запись голоса человека будет также являться фонограммой? Так, М.И. Малеина рассматривала возможность урегулирования порядка фиксации голоса в соответствии ст. 152.1 ГК РФ по аналогии с изображением и пришла к выводу, что «аналогия закона неприменима, несмотря на одинаковую цель нематериальных благ (облика и голоса) – индивидуализация гражданина» [Малеина, 2015, 18]. Мы согласны с ее выводом о том, что данную правовую норму допустимо взять за основу при совершенствовании законодательства и создании новых норм ряд положений. С учетом развития новых технологий возникает необходимость в законодательном закреплении права использования своего или чужого голоса, права его записи или воспроизведения с помощью технических средств. Регулирование данного вопроса приобретает актуальность еще и потому, что сегодня существует множество гаджетов (аудиоколонки, голосовые помощники, GPS-навигаторы, система распознавания голоса при пользовании банковских карт), с помощью которых может быть зафиксирован и использован голос человека без получения его разрешения и уведомления об этом. Такая противоправная фиксация голоса может послужить возникновению множества споров не только в гражданско-правовой сфере, но и способствовать развитию уголовной преступности.

В этом же ключе интересным кажется возможность человека завещать или продать свое «лицо», поскольку сегодня компания Geomiq заинтересована в приобретении лица человека для гуманоидного робота. В классической теории права выделяют общие и специфические признаки понятия «внешний облик». Формируя на их основании данное понятие, исследователи указывают, что внешний облик личности является неотделимым и индивидуализирующим данную личность, ее личным нематериальным благом. Это благо включает в себя совокупность всех внешних признаков физического лица и воспринимается окружающими как единое целое или как части целого, которые подвержены качественным изменениям на протяжении всего периода существования человека. Так, например, А.С. Мограбян, считает, что правовая сторона облика человека выражается в отсутствии материального (имущественного) содержания облика. По его мнению, это выражается в невозможности оценки его материальным эквивалентом и взаимосвязью внешности с личностью конкретного человека, их взаимной не отчуждаемости [Мограбян, 2011, 6-7]. В данном же случае под возможностью продать или завещать свое «лицо» понимается авторское право и право использования внешнего облика человека, при этом может быть произведена материальная оценка лица в денежном эквиваленте. При реализации такой задумки внешний облик человека, сканированный и зафиксированный, становится самостоятельным информационным объектом права, на который у изображенного лица имеется самостоятельное право. Право на использование и распоряжение изображением

облика, получившего самостоятельное существование, не включается в право на внешний облик. На наш взгляд, в данном случае при всех характеристиках не теряется связь внешности и личности конкретного человека и в случае наделения робота внешним обликом определенного человека может возникать ассоциация с человеком, которому в действительности принадлежит этот образ.

На сегодняшний день в ст. 152.1 ГК РФ закрепляется охрана изображения гражданина. При этом под таким изображением понимается индивидуальный облик лица, состоящий из совокупности наружных признаков, воспринимаемых как образ гражданина в целом, запечатленный в какой-либо материальной форме в виде фотографического изображения, объекта изобразительного искусства в видеопроизведении. К таким изображениям существует еще один подход, при котором изображение человека рассматривается как объект авторского права. В соответствии со ст. 1259 ГК РФ, к объектам авторских прав относятся, в частности, произведения живописи, скульптуры, графики, дизайна, графические рассказы, комиксы и другие произведения изобразительного искусства, а также фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии. Исходя из этого, возникает вопрос о том, будет ли воспроизведенное в виде робота, лицо человека являться таким изображением и будут ли на него распространяться те же правила, что и на указанные выше примеры изображений? Также интересен тот факт, что в случае массового производства таких роботов вместе с продажей робота производитель продает и распространяет изображение человека, продавшего/передавшего свой внешний облик как информацию-изображение.

Заключение

Таким образом, приобретая статус информации и преобразовываясь из внешнего облика в изображение человека, считаем неправильным в данном случае говорить о распоряжении «внешним обликом». Необходимо разграничить понятия внешнего облика как информации (изображения, выраженного в 3-D модели, например) и внешнего облика как нематериального блага, которое предоставлено каждому от рождения.

Это лишь малая часть того, на что оказывают влияние новые технологии, есть еще множество аспектов общественной жизни с применением новых технологий, в которых возникают соответствующие проблемы. Для того чтобы при активном технологическом развитии в общественной сфере не возникали коллизии, необходимо обеспечить одновременное (параллельное) развитие правовой сферы вместе с технологиями. Расширение границ правового регулирования новых технологий и связанных с их применением прав человека и гражданина позволит учитывать особенности возникающих новых видов правоотношений и вовремя проводить реформирование уже существующих норм права, касающихся данного вопроса.

Библиография

1. Курбанов Р.А. (ред.) Гражданское и торговое право зарубежных стран. М.: Проспект, 2016. 416 с.
2. Дмитрик Н.А. Осуществление субъективных гражданских прав с использованием сети Интернет. М.: Волтерс Клувер, 2007. 200 с.
3. Иванов А. Много оттенков серого: абсолютные и относительные права (цифровая практика и немного теории) // Закон.ру. URL: https://zakon.ru/blog/2018/8/31/mnogo_ottenkov_serogo_absolyutnye_i_otnositelnye_pravacifrovaya_praktika_i_ne_mnogo_teorii.
4. Кожемякин Д.В. Доменное имя в системе объектов гражданских прав. М.: Проспект, 2020. 158 с.

5. Малеина М.Н. Право человека на индивидуальный голос и его защита // Юрист. 2015. № 13. С. 17-22.
6. Мирошникова Н.И. Механизм осуществления субъективных гражданских прав. Ярославль, 1989.
7. Мограбян А.С. Внешний облик физического лица как объект субъективного права на неприкосновенность внешнего облика // Эксперт-криминалист. 2011. № 4. С. 5-8.
8. Явич Л.С. Общая теория права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. 176 с.
9. Объекты на цифровых носителях, цифровые права и деньги: тенденции правовой теории и практики. URL: <https://www.garant.ru/article/1220358>.
10. Родионова О.М. Правовые формы реализации волевых отношений в механизме гражданско-правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. 502 с.
11. Рожкова М.А. Информация как объект гражданских прав, или Что надо менять в гражданском праве // Закон.ру. 2018. URL: https://zakon.ru/blog/2018/11/06/informaciya_kak_obekt_grazhdanskih_prav_ili_chto_nado_menyat_v_grazhdansko_m_prave.
12. Рыбалов А.О. Проблемы классификации гражданских правоотношений: дисс. ... канд. юрид. Наук. СПб., 2007.
13. Сеницын С.А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах: дисс. ... д-ра юрид. Наук. М., 2017.
14. Сеницын С.А. Абсолютные и относительные субъективные гражданские права: проблемы теории // Журнал российского права. 2016. № 2. С. 57.
15. Солодовниченко Т.А. Субъективные юридические права и обязанности в частном публичном праве: дисс. ... канд. юрид. Наук. Омск, 2016. 197 с.
16. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974.
17. Якушев М.А. Интернет и право // Законодательство. 1997. № 1. С. 65.
18. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019, с изм. от 12.05.2020) // СПС «КонсультантПлюс» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/f9498350007fc6def03006086be05e29c6f32397.
19. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 по делу № А40-124668/2017. URL: <https://kad.arbitr.ru>.
20. The American AI Century: A Blueprint for Action 1152 15th street NW. Suite 950 Washington, DC 20005| T: 202.457.9400|F:202.457.9401| CNAS.ORG/@CNASDC.

Features of realization of some absolute subjective civil rights in the conditions of development, introduction and application of new technologies

Anastasiya A. Demina

Postgraduate Student,
Belgorod State National Research University,
308015, 85 Pobedy str., Belgorod, Russian Federation;
e-mail: yademina.nastya@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the peculiarities of the implementation of absolute subjective rights in the context of the development of new technologies. This topic is relevant, since in the context of the active introduction of new technologies into various spheres of life, a threat arises to the protection of absolute subjective civil rights. The subject of this study is the features of the implementation of certain types of absolute subjective civil rights in such conditions, as well as the features of the characteristics of such rights. When writing the work, empirical methods were used, as well as methods of analogy and deduction. The author studied the mechanism for exercising this type of rights and classified them into property and non-property rights. The content of subjective law is considered, an analysis is carried out to determine the criteria of absoluteness and relativity, civil rights implemented in the context of the development of new technologies. The following

Anastasiya A. Demina

conclusions are made: in order to avoid conflicts arising during active technological development in the public sphere, it is necessary to ensure the simultaneous (parallel) development of the legal sphere together with technology; expanding the boundaries of legal regulation of new technologies and human and civil rights associated with their use will make it possible to take into account the characteristics of emerging new types of legal relations and timely reform existing legal norms related to this issue.

For citation

Demina A.A. (2024) Osobennosti realizatsii nekotorykh absolyutnykh sub"ektivnykh grazhdanskikh prav v usloviyakh razvitiya, vnedreniya i primeneniya novykh tekhnologii [Features of realization of some absolute subjective civil rights in the conditions of development, introduction and application of new technologies]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 14 (1A), pp. 473-484. DOI: 10.34670/AR.2024.12.41.062

Keywords

Absolute subjective civil rights, new technologies, property rights, non-property rights, mechanism for the implementation of subjective civil rights, artificial intelligence, blockchain.

References

1. Dmitrik N.A. (2007) *Osushchestvlenie sub"ektivnykh grazhdanskikh prav s ispol'zovaniem seti Internet* [Exercise of subjective civil rights using the Internet]. Moscow: Volters Kluver Publ.
2. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 16.12.2019, s izm. ot 12.05.2020) [Civil Code of the Russian Federation (part one) No. 51-FZ of November 30, 1994 (as amended on May 12, 2020)]. *SPS «Konsul'tantPlus»* [SPS Consultant] Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/f9498350007fc6def03006086be05e29c6f32397 [Accessed 15/12/2023].
3. Ivanov A. Mnogo ottenkov serogo: absolyutnye i otnositel'nye prava (tsifrovaya praktika i nemnogo teorii) [Many shades of gray: absolute and relative rights (digital practice and a little theory)]. *Zakon.ru*. Available at: https://zakon.ru/blog/2018/8/31/mnogo_ottenkov_serogo_absolyutnye_i_otnositelnye_pravacifrovaya_praktika_i_nemnogo_teorii [Accessed 25/12/2023].
4. Khalfina R.O. (1974) *Obshchee uchenie o pravootnoshenii* [General doctrine of legal relations]. Moscow
5. Kozhemyakin D.V. (2020) *Domennoe imya v sisteme ob"ektov grazhdanskikh prav* [Domain name in the system of civil rights objects]. Moscow: Prospekt Publ.
6. Kurbanov R.A. (red.) (2016) *Grazhdanskoe i torgovoe pravo zarubezhnykh stran* [Civil and commercial law of foreign countries]. Moscow: Prospekt Publ.
7. Maleina M.N. (2015) Pravo cheloveka na individualnyi golos i ego zashchita [The human right to an individual voice and its protection]. *Yurist* [Lawyer], 13, pp. 17-22.
8. Mirosnikova N.I. (1989) *Mekhanizm osushchestvleniya sub"ektivnykh grazhdanskikh prav* [Mechanism for the implementation of subjective civil rights]. Yaroslavl.
9. Mograbyan A.S. (2011) Vneshnii oblik fizicheskogo litsa kak ob"ekt sub"ektivnogo prava na neprikosnovennost' vneshnego oblika [The external appearance of an individual as an object of the subjective right to inviolability of external appearance]. *Ekspert-kriminalist* [Forensic expert], 4, pp. 5-8.
10. *Ob"ekty na tsifrovyykh nositelyakh, tsifrovyye prava i den'gi: tendentsii pravovoiteorii i praktiki* [Objects on digital media, digital rights and money: trends in legal theory and practice]. Available at: <https://www.garant.ru/article/1220358> [Accessed 25/12/2023].
11. *Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 15.05.2018 po delu № A40-124668/2017* [Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal of May 15, 2018 in case No. A40-124668/2017]. Available at: <https://kad.arbitr.ru>.
12. Rodionova O.M. (2017) *Pravovye formy realizatsii volevykh otnoshenii v mekhanizme grazhdansko-pravovogo regulirovaniya. Dokt. Diss.* [Legal forms of implementation of volitional relations in the mechanism of civil law regulation. Doct. Diss.]. Moscow.
13. Rozhkova M.A. (2018) Informatsiya kak ob"ekt grazhdanskikh prav, ili Chto nado menyat' v grazhdanskom prave [Information as an object of civil rights, or What needs to be changed in civil law]. *Zakon.ru*. Available at:

https://zakon.ru/blog/2018/11/06/informaciya_kak_obekt_grazhdanskih_prav_ili_chno_nado_menyat_v_grazhdansko_m_prave [Accessed 15/12/2023].

14. Rybalov A.O. (2007) *Problemy klassifikatsii grazhdanskikh pravootnoshenii. Dokt. Diss.* [Problems of classification of civil legal relations. Doct. Diss.]. Saint Petersburg.
15. Sinitsyn S.A. (2016) Absolyutnye i otnositel'nye sub"ektivnye grazhdanskie prava: problemy teorii [Absolute and relative subjective civil rights: problems of theory]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2, p. 57.
16. Sinitsyn S.A. (2017) *Obshchee uchenie ob absolyutnykh i otnositel'nykh sub"ektivnykh grazhdanskikh pravakh. Dokt. Diss.* [General doctrine of absolute and relative subjective civil rights. Doct. Diss.]. Moscow.
17. Solodovnichenko T.A. (2016) *Sub"ektivnye yuridicheskie prava i obyazannosti v chastnom publichnom prave. Dokt. Diss.* [Subjective legal rights and obligations in private public law. Doct. Diss.]. Omsk.
18. *The American AI Century: A Blueprint for Action 1152 15th street NW. Suite 950 Washington, DC 20005/ T: 202.457.9400/F:202.457.9401/ CNAS.ORG/@CNASDC.*
19. Yakushev M.A. (1997) Internet i pravo [Internet and law]. *Zakonodatel'stvo* [Legislation], 1, p. 65.
20. Yavich L.S. (1976) *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. Leningrad: Publishing house of Leningrad State University.